

БЫТЬ СОБОЙ¹

СВЯЩЕННИК СЕРГИЙ ОВСЯННИКОВ

«Быть собой» — рассказ о страхе и пути его преодоления. Путь к себе и путь к Богу есть путь к свободе. Об этом говорил митрополит Антоний Сурожский, и автор раскрывает эту тему: как избежать ролевых установок, чтобы найти себя и свое призвание; как обрести единение души и ума, сердца и рассудка. Путь христианской души должен вести к радости, а не к страху.

Добрый день! Во-первых, я хочу сказать, что я необычайно рад быть снова здесь, с вами, с друзьями. Быть с друзьями — это такая большая радость! И вот то, что в эти дни мы снова вместе — это большая духовная радость для меня и то, что питает, поддерживает нас там — за рубежом.

Тема моего сегодняшнего сообщения — «Быть собой». Это в какой-то мере — в большой мере — продолжение той темы, о которой я говорил на прошлой конференции в 2007 году, и которая была обозначена «Быть здесь и сейчас» [Сергий Овсянников, прот., 2008, с. 59—68]. Быть здесь и сейчас, не забегая в будущее, не отставая в прошлом, это и есть аскетическое делание. И тема «Быть собой» — это фактически ее продолжение.

Начну я с жанра мне не свойственного. Я прочитаю отрывок предисловия, которое меня попросили написать к голландскому изданию книги «Школа молитвы» [Metropoliet Anthony, 2010]. Странная вещь — писать предисловие к книгам митрополита Антония, я сначала сомневался — нужно это или нет. А потом, начав писать, подумал, что да, в этом есть смысл. Это и получилось, как мне кажется, мостиком от темы «Быть здесь и сейчас» к новой теме «Быть собой».

«Так устроен современный мир, какую бы вещь мы ни приобретали сегодня: холодильник, телевизор, мобильный телефон, мы получаем ее в сопровождении двух бумаг, инструкции по использованию и гарантии. Есть, однако, исключение — это сама человеческая жизнь, которая дается нам без инструкций и без гарантий. Мы не знаем, сколько нам дано прожить, и

¹ Доклад прочитан на конференции, посвященной Митрополиту Антонию Сурожскому (Москва, 2009г.).

очень часто не знаем, зачем нам даны те или иные таланты. Мы не знаем, в чем смысл нашей жизни и как «пользоваться» собой. Как научиться быть собой, а не имитировать, не подражать этой жизни. И как научиться жить с собой, если ты сам себя не любишь, например. Мы в поиске, и в этом поиске мы можем обратиться с вопросом к самим себе: «Зачем мне дана эта жизнь?» А этот вопрос — уже половина пути к молитве. И тогда мы обращаемся к незнакомому Богу, к Богу, которого мы еще знаем очень мало: «Зачем Ты дал мне эту жизнь?»

Книга «Школа молитвы» — своего рода путеводитель по молитве. Молитве не в том смысле, как это нам зачастую представляется: семья чинно сидит за обеденным столом, и глава семьи благочестиво произносит тот или иной текст. А молитве — как обращению к Богу из глубины твоей души. А этот путь вовсе не является простым и легким, это только кажется — захотел, встал и пошел. Ведь чтобы встать, уже нужны силы, а они есть далеко не всегда. А чтобы идти, надо хотя бы знать — куда идти, в каком направлении начинать движение, если уж не известен заранее весь маршрут.

Митрополит Антоний говорит, что идти надо через себя и далее — к себе иному, которого еще не знаешь. И он предупреждает, что путь этот может быть опасным. Действительно, почему мы считаем, что к Богу можно обращаться всякий раз, когда нам это нужно, а Бог должен отвечать на наши запросы всякий раз, когда мы к нему обращаемся. «Молитва, — говорит митрополит Антоний, — это встреча, это отношения, и отношения глубокие, к которым нельзя принудить насильно ни нас, ни Бога». Мы полагаем, что с Богом можно обращаться как с домашней кошкой, «... отнюдь нет...» — говорит Владыка, — «Бог, скорее, — лев, а не кошечка. Встреча с Богом может быть опасна. Молитва начинается с вхождения внутрь человека, то есть со встречи с самим собой. Молитва должна быть направлена на самих себя».

Но встреча с самим собой тоже может быть опасна. Казалось бы, чего проще — начать с себя, остаться наедине с собой хотя бы несколько минут в день. Однако и в этом есть опасность. Откуда мы знаем, что мы встретим, что мы обнаружим? Какого именно себя откроем мы в этой встрече? Ведь этот опыт подобен попытке посмотреть в зеркало. Представьте себе такое чудесное зеркало, которое отражает не того человека, которым мы хотим быть, хотим казаться, которого мы хотели бы сыграть, которого, нам хотелось бы, чтобы видели в нас другие люди. В этом зеркале мы увидим такого себя, которого хотели бы спрятать и никогда не показывать ни Богу, ни людям, ни самим себе. Разве это не опасно? Ведь может быть, что из зеркала на нас прыгнет волк, а не человек, или, что еще хуже, наш взгляд встретится с пустотой.

Есть фильм знаменитого русского режиссера — Андрея Тарковского, который называется «Сталкер». Сталкер — профессия проводника, человека, который берется сам пройти в «зону» и даже провести туда других людей. А «зона» — какое-то место, громадное пятно, след, оставленный внеземной цивилизацией. Это опасное место, оттуда не вернулось уже множество людей, люди там гибнут. И все же поток желающих попасть туда не прекращается. Дело в том, что посреди «зоны» есть потаенная комната, в которой исполняются самые тайные человеческие желания. Однако есть одна небольшая проблема — желание исполнится вовсе не то, которое ты загадал, задумал, а то, которое есть в сердце — самое заветное, самое тайное и желанное, в котором ты даже себе не всегда можешь признаться. Сталкер вспоминает такую историю: однажды до этой комнаты добрался один из самых опытных сталкеров и стал просить в комнате желаний, чтобы его погибшему брату вернули жизнь. Он молился. Но когда он вернулся назад, оказалось, что брат остался мертв, а вот сам сталкер стал несметно богат. Так сбылось его самое заветное желание. И через неделю после своего путешествия этот сталкер повесился.

Так можно ли сказать, что мы знаем свои потаенные, самые заветные желания? Знаем ли мы, что произойдет в результате молитвы? Разве в молитве нет опасности? «Молитва — это встреча, — говорит Владыка, — ... а встреча с Богом всегда опасна...». Равно как и опасна встреча с самим собой. Ведь в нас самих первое, что вылезает на поверхность — чувства вовсе не благородные, не самые благородные. Это могут быть и проявления гнева, агрессии, депрессии, безысходности... Раньше в христианской литературе это называлось — борьба со страстями. Владыка Антоний: «Бог не может прийти к нам, потому что нас-то нет, чтобы Его принять. Мы хотим что-то от Него получить, а вовсе не Его Самого». Митрополит Антоний назвал свою книгу «Беседы для начинающих молитвенный путь». Молитва — путь, который человеку надо пройти. В человеке есть одно измерение — внутренняя глубина, которая делает его неповторимым. В эту глубину нас и направляет автор. Он говорит: «Одна из проблем, перед которой мы все стоим и которую должны решить, это — куда направить свою молитву? И я предложил — на самих себя» [Антоний Сурожский, митр., 2004, с. 138]. Попробуйте быть собой, не играя какую-либо роль. Попробуйте остаться наедине с собой хоть небольшой отрывок времени, и Вы поймете — как сложно это исполнить. Не случайно многие хитроумные технологии современного мира направлены на простую задачу — избавить человека от необходимости оставаться один на один с самим собой. Можно назвать это развлечениями, или компьютерными играми, или даже культурой, но суть останется та же — человек избавляется от опасности быть одному и быть собой. «Мы

становимся фиктивными подставными существами. А с такой нереальной личностью Бог ничего не может сделать». Путь к Богу лежит через себя и далее — к себе иному, к «новому человеку».

Этот текст был написан как предисловие к книге «Школа молитвы», и это не случайно, потому что в моей жизни произошло следующее. Вскоре после моего рукоположения в 1990-м году, Владыка написал прошение в Патриархию и отправил меня служить в Амстердам. Меня перевели, предупредив, что зарплаты не будет. Никто в этом и не сомневался. Но перед расставанием — это не было собственно расставанием, я знал, что буду приезжать, что буду исповедоваться, но, тем не менее, была такая традиция — я попросил напутственное слово, сказав: «Владыка, что бы ты мне посоветовал перед началом служения в амстердамском приходе?». Он ответил: «Первое — не подражай мне. Второе — не имитируй молитву. Третье — учись быть собой». С тех пор я этим все и занимаюсь. И поэтому я постараюсь немного рассказать о том, как происходил этот поиск, как это все было в моей жизни, какие этапы мне пришлось пройти, как я их вижу.

Итак, путь. Это действительно путь, а отправляясь в дорогу, мы стараемся узнать у бывалых друзей о трудностях, которые нас ждут, об опасностях, которые подстерегают. Я поделюсь тем, что именно повелили мне друзья, из которых владыка Антоний был и остается самым близким. Это повествование состоит из нескольких слов.

Слово первое: «Не бойся! Проснись!»

Проснись — означает: «перестань бежать, остановись!». Перестань пребывать в суете, будь здесь и сейчас. Перестань полагать, что если ты поменяешь место или страну обитания, то там ты найдешь себя, там решатся все твои проблемы. Нет, проснись здесь и сейчас. Зачем? Чтобы быть собой.

Слово второе: «Не бойся! Удивись!»

Посмотри — что на тебе одето? Как много разных костюмов, за которыми теряется сам человек. Это уже не жизнь, а костюмированный бал. Тебя окликают, тебя зовут, а ты спешишь спрятаться за какую-то вывеску. Удивись и ужаснись тому, как много тебе придали наименований и ярлыков. Тебя спрашивают: «Кто ты?». И слышно в ответ: «Я — депутат». Этому можно посмеяться, как малоудачной шутке, но есть вещи, названия, униформа, от которых смех становится горьким. Ведь всякий ярлык прирастает к коже, меняет самого человека. Есть замечательный, абсолютно фантастический рассказ у Рэя Брэдбери, который называется «Песочный человек». Некий космический путешественник попадает на Землю, и

оказывается, что у него нет формы. И по чистой случайности его космический аппарат приземляется в саду, где играет маленький мальчик, который видит, что из блестящего «апельсина», из этого аппарата появляется что-то, что он никак не может определить, найти подходящее название. И поскольку это существо переливается красками, переливается формами, он понимает: «О! я тебя знаю! Ты песочный человек!». Песочный человек, наверное, вы знаете, такой детский персонаж, который приходит к детям перед сном и бросает песок в глаза, чтобы они заснули. «Я тебя знаю! Я тебя вижу каждый раз перед сном!». И этот «песочный человек» вдруг в ужасе кричит: «Не называй меня так!» «А как? Ты очень похож». И выясняется, что это существо действительно уже стало песочным человеком. Потом мальчику приходит в голову какая-то иная мысль, он называет его мячиком, потом называет его своей мамой. И это существо в ужасе просит: «...не называй меня! Ты посмотри — что ты из меня сделал!» А мальчик говорит: «Я сделал то, что ты и есть». Он не понимает, что он «повесил» название. И название приросло к этому человеку, он может снять его только со своей кожей, а кожа-то — его суть. И я думаю, что эта фантастика на самом деле то, что встречается в нашей жизни значительно чаще, чем мы об этом думаем или можем представить.

Я с этим встречаюсь... Встречаюсь, к сожалению, на исповедях. Бывает, что человек приходит и начинает исповедь с того, что называет себя. Он называет не имя, а дает себе какое-то название, определение, а потом этим определением пытается все объяснить: почему с ним случилось то-то и то-то, почему у него проблемы. Ну, вы сами понимаете, что на исповеди, вместо исповеди-покаяния зачастую человек пытается объяснить свои проблемы. Вот, скажем, человек, который описывает проблемы семейной жизни и делает заключение: «... я — муж, а вот жена меня не боится и, простите, не выполняет свои супружеские обязанности». То есть, значит, установка такая, что «я есть муж» — вывеска у меня такая, а здесь есть еще кто-то, кто мешает мне соответствовать этой самой вывеске. Я «не работаю по назначению». И приходится объяснять: ну на самом деле, ежели ты муж, то вспомни те слова апостола Павла, которые прозвучали на твоём венчании. В ответ мне: «Слова эти я и помню: «... да убоится жена мужа своего...». Я говорю: «Это правильно, но это в конце. Вас подвела память. Мы помним обычно последние слова. Вспомните первые». «Какие, — говорит человек, — там были первые?» Да, были первые и очень интересные и важные! Я недавно вспоминал эти слова в беседе с голландскими прихожанами. Дело в том, что, если раньше Библия публиковалась как текст в две колонки на странице, что подчеркивало сакральность этого текста, то теперь, как правило, текст печатается смысловыми

отрывками. Это современная традиция западной интерпретации Священного Писания. И один из таких отрывков в западной разбивке называется «Христианская семья: обязанности супругов», и начинается словами: *«Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела»*. Это послание к Ефесянам 5 глава, начиная с 22 стиха. Но что любопытно, что в нашей Православной Церкви, при совершении Таинства венчания, это чтение начинается двумя стихами раньше, совершенно неожиданно, совершенно с середины мысли. И это, я думаю, неслучайно, потому что эта середина звучит совершенно иначе, это начинается с 20-го стиха: *«благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуйся друг другу в страхе Божиим»*. И здесь все меняется. Вы начинаете не с того, что у вас есть установка, кто кого боится, а начинаете с установки, что вы благодарите за все, что вам дано. И только тогда вы становитесь мужем и женой, а вовсе не тем словом, которое к вам прикрепили. Я уж не говорю о том, что приходится напоминать человеку о том, что если он муж, то он должен быть образом Христа, ведь сказано потому: *«Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё»* [Еф. 5: 25]. Давайте себя спросим: мы предали себя за свою жену? Мы взойшли на крест? Это тот момент, который помогает снять униформу, снять наименование, прикипевшее к человеку.

Второй пример, может быть, более сложный и далекий от вашей жизни, но я его приведу сознательно, потому что это люди, которые, прежде всего, плохо понимают самих себя, плохо понимают, что с ними происходит, что такое внутри в них кипит. Приходит человек и говорит: «Я проклят Богом». «Почему?» — спрашиваю я. «Потому что я — гомосексуалист». Я говорю: «Интересно, а кто Вам это сказал?». А дальше начинается рассказ о чувствах, которые заставили человека приклеить к себе этот ярлык. И ладно бы ярлык, ведь проблема-то в том, какие последствия из этого, какие выводы человек делает из этого ярлыка. А вывод он делает, что проклят Богом. То есть он приходит, уже представляя себе, что путь для него на самом деле закрыт. Он приходит от последнего отчаяния. И, это я совершенно точно могу сказать, что сам он не понимает всех глубинных сложных процессов, которые с ним происходят.

Последний пример — с подростками. У них, как сейчас говорят, «выброс гормонов». И они в этот момент тоже плохо понимают то, что происходит. Например, приходится слышать такое: «Вы знаете, во мне сидит какой-то монстр. Я думаю, что я сексуальный маньяк. Во мне сидит столько страстных желаний». А этому «маньяку» где-то 15—16 лет. То есть, он еще просто не умеет различать естественный процесс полового

сексуального созревания от навязчивых фантазий и имитаций, которые ему услужливо предлагает бес.

Итак, удивитесь и ужаснитесь. Но только ужас должен наступить не от самого состояния, в котором вы себя обнаружили, а от того, насколько легко в этом мире мы нашли название своему состоянию, своей беде и, главное, своему страху. И вот тогда, если это произошло, если пришло удивление, тогда приходит страх, и тогда появляются еще и советы постороннего: «Надо себя преодолеть. У тебя что, силы воли нет? Надо себя победить». Советское комсомольское племя с удовольствием вспомнит здесь яркие примеры Мересьева — «Повесть о настоящем человеке», Павку Корчагина — «Как закалялась сталь», «Волю к жизни» «советского писателя» Джека Лондона.

Вопрос, который тогда мы не задавали себе: «Если в нас один человек силой воли победит другого человека, то кто же в результате останется жить? Какое из наших «я» выживет? И что есть настоящий человек в таком случае?» Все эти примеры в своей массе говорят о том, как человек преодолел боль настоящего момента. И это, я должен признать, означает, что они в каждый миг жизни были с этой болью и уходили от боли. Это имеет отношение к тому, чтобы «быть здесь и сейчас, быть в настоящем», но это еще далеко не все глубины, которые человек должен преодолеть. Ведь там противопоставление такое очень простое: настоящий — ненастоящий, герой — отступник. А в действительности ужас приходит не от боли, но от осознания того, как говорил апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» [Рим. 7: 19]. Вот это, действительно, удивление и ужас, понимание того, что внутри меня тоже не все просто. Если бы я хотел делать добро и пошел бы сделал, но тогда, какие проблемы? А вот оказывается, нет, и не только у нас, живущих здесь и сейчас, а и у апостола Павла было то же самое. Значит, это где-то в глубине человеческой природы — падшей человеческой природы. И в этом есть тайна непонимания. Тайна непонимания: почему у нас возникает то или иное чувство? Это утверждение зачастую оборачивается дубинкой, которой мы начинаем лупить самого себя: раз я доброе не делаю, то я такой-то, и такой-то, и такой-то. И мы вешаем на себя ярлык. Мы начинаем себя судить вместо того, чтобы сделать шаг вперед.

Человек встает перед зеркалом, в котором видит себя гадательно, как загадку, как отражение тайны. И вместо шага вперед избирает себе вывеску, некое название. Как сказали бы философы: «он не решает вопрос, он снимает вопрос». Он убирает его и вместо вопроса на себя одевает некие «одежды». Митрополит Антоний говорил так: «Остаться с самим собой — одна из самых страшных вещей, которые могут случиться

с человеком, если он этого не делает по собственному почину, а только по необходимости. Быть перед лицом себя самого: без прикрас, без защиты, без всего того, что мы ставим между этим порой страшным или просто пугающим, или прямо вызывающим отвращение видением — и нашим взором. Больше всего нам мешает встать перед самими собой именно этот страх. Что я увижу, если откроются мои глаза? Что я увижу, если снимется завеса?» [Антоний Сурожский, 2006, с. 95]. Именно поэтому нам так хочется не столько искать свое имя, сколько надеть униформу — прикрыться, защитить себя названием, защитить себя какой-либо партийной принадлежностью. Такая принадлежность снимает заботу быть собой. Этот способ надевания имени, униформы, привязки себя к какому-то фантому или к какой-то полуфантастической реалии самым неожиданным и замечательным образом описан у Джами² в его стихотворении «Рассказ о простаке». Начинается стихотворение так:

... Кочевник в город некогда попал,
Он в городах доселе не бывал,
И там, в густой толпе многоязыкой
Чуть не оглох от гомона и крика...

Естественно, что человек, попав в такую ситуацию, боится себя потерять:

... В такой толпе, как знать,
И сам себя могу я потерять,
Тут мне нужна особая примета,
Чтобы узнать, опомнись, я ли это?..

И он придумывает блестящий выход. Он из своего мешочка достает тыкву, привязывает к себе, к ноге и ложится спать, зная, что когда он проснется, его тыква с ним. Однако попался шутник, который увидел все это, понял, тихонечко подошел к нему, отвязал тыкву, лег рядом и привязал ее к своей ноге. Какой ход! И вот этот человек просыпается в ужасе: «Где же я?!» И он кричит:

...Эй, ты! Вставай, неверный!
Я по твоей вине погиб, наверно!

² Джами (Абдеррахман Нуреддин ибн Ахмед) (1414—1492) персидский и таджикский поэт, ученый и суфий.

Ты это, или я? Коль ты не я —
Откуда тыква у тебя моя?
А если это ты, так это что же —
Где я? Кто я теперь? Ответь мне, боже!³

Вот этот призыв, я думаю, очень четко на самом деле передает процесс, который произошел бы, если бы мы все-таки имели отвагу отвязать от себя несколько тыкв. Отвязать от себя эти ярлыки, которые мы уже так удобно к себе пристроили, и даже уже поверили, что мы такие и есть. Итак, удивляйся и ужасайся, прежде всего, от того, как много тыкв ты к себе привязал, какой тебе предстоит огромный труд все это отвязать.

Слово третье: «Не бойся! Спрашивай!»

Спрашивай: «Где именно сидит страх?» Вопросай: «Кто дает тебе команду — «бойся!»?» Чтобы локализовать этот источник страха, нам надо обратиться к опыту других путников, и этот опыт, в данном случае опыт свт. Василия Великого, говорит: «Внемли себе»⁴. Если вы попытаетесь найти эти слова в синодальном издании, то у вас это не очень получится, потому что синодальное издание Ветхого Завета — это перевод с древнееврейского, а Василий Великий жил по Септуагинте, по греческому тексту. Потому у него эти слова — на греческом, а в синодальном переводе это переведено как «берегись», то есть в общем, как раз в противоположном смысле — берегись, бойся, вместо того, что «внемли себе» (watch yourself). Внемли себе — вовсе не означает — слушай себя, но означает: осмотри себя со всех сторон, для охранения себя содержи неусыпным душевное око, свой внутренний голос. Внемли себе: пойми, где твой страх, а где ты. Это разделение очень важное, и слова Василия Великого действительно помогают многое понять. По крайней мере, так было в моей жизни. Я прочитаю цитату из этой беседы: «Итак, внемли себе, то есть внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себе; ибо иное — мы сами, иное — принадлежащее нам, а иное — что около нас». Мы сами — это одно, что только принадлежит нам — другое, и что есть около нас — третье. И поясняет: «Мы — это душа и ум, поколику мы сотворены по образу Создавшего; наше — это тело и приобретаемые посредством него ощущения» — то есть, что нам дано. «... около же нас — имущества, искусства и прочие удобства жизни» [Цит. по: http://mystudies.narod.ru/library/b/basil_gr/besedi/003.htm]. Итак,

³ Отрывок из поэмы Абдурахмана Джами «Саламан и Абсаль» (пер. В. Державина).

⁴ Свт. Василий Великий. Беседа 3. На слова: «Внемли себе» [Втор. 15, 9].

душа и ум — это мы, тело и ощущения — то, что принадлежит нам. Имущество и прочее искусство — около нас.

Слово четвертое: «Не бойся! Различай!»

Итак, не бойся ощущений и впечатлений, но бойся говорить: «Я это ощущаю, следовательно, это и есть я». Если мы боимся отказаться от ощущений, нам принадлежащих, то давайте посмотрим на другие примеры. В качестве примера я хочу напомнить вам историю, которую рассказывает Марсель Пруст в своем романе «В поисках утраченного времени». Если вы помните, там есть замечательная сцена со служанкой, Франсуазой, и другой служанкой, которая значительно ниже, она — судомойка. Эта судомойка забеременела. И она рождает, рождает без мужа, роды проходят тяжело, развивается какое-то воспаление. Хозяйка вызывает врача. Врач объясняет, что нужно делать в том случае, если будет обострение. И действительно, ночью наступает обострение, служанка кричит от боли, хозяйка встает, и оказывается, что Франсуаза спокойно спит и очень не довольна, когда ее будят. Она говорит: «Да Боже мой! Она корчит из себя барыню. Надо ли так обращать внимание». Но, тем не менее, хозяйка настаивает на том, что надо, и посылает Франсуазу в библиотеку за медицинской энциклопедией и предупреждает: «Осторожно, не вырони закладку!» Доктор заложил то место в книге, где говорится, что нужно делать в случае послеродовой горячки. Проходит время, Франсуаза не появляется, и хозяйка решает, что она просто пренебрегла просьбой, приказом, спокойно пошла и легла спать. И она посылает сына за книгой. Он идет в библиотеку и находит там Франсуазу, которая сидит и читает эту медицинскую энциклопедию и плачет навзрыд. Она читает примеры того, что с женщиной может произойти во время родовой горячки, и она переживает — ей так больно за этих бедных людей. Но тут Франсуаза возвращается к действительности и идет-таки к судомойке. Той больно, но для Франсуазы это уже иная боль — это боль той самой судомойки, которая рядом и с которой все понятно. Она говорит: «Хм, удовольствие получила, так не ори! Видно парень попался неприспособленный, коли спутался с такой как ты». Это та же женщина, которая только что плакала навзрыд, переживая боль, о которой прочитала в книжке.

Здесь очень важный момент нашей духовной жизни. Казалось бы, от нас это все далеко. А на самом деле, те ощущения, которые мы получаем через тело, мы принимаем почему-то зачастую чуть ли не на сто процентов. Мы плачем, мы думаем «будь я рядом, я бы все сделал для этого человека, я бы все сделал, чтобы облегчить боль, облегчить страдания». И это вполне искренние слезы, но слезы, порожденные нашим

ощущением, слезы, порожденные нашим телом. И тем самым, оказывается, они отличаются от ощущений нашего сердца. Ведь задача-то в том, чтобы сердце белело. Задача в том, как напомнил в своем докладе диакон Петр, о чем говорил Владыка: «У меня уже полгода ни одной искры не выбить из моего сердца...». Он это хорошо знал, когда из сердца можно выбить искру, а когда это не искра, а так, фейерверк. И вот этот момент, различие: «Не бойся, различай! Не бойся признаться в том, что эти слезы — книжные слезы, а вот до слез своей души, своего сердца еще надо очень многое сделать. Не бойся!»

Итак, именно поэтому святой Василий Великий говорит: «Поелику каждому из нас легче любопытствовать о чужом, нежели рассматривать свое собственное <...> перестань со тщанием наблюдать пороки в другом, не давай времени помыслам испытывать чужие немощи, но себе внемли» [Цит. по: http://mystudies.narod.ru/library/b/basil_gr/besedi/003.htm]. То есть обрати собственное око на исследование себя самого. Если будешь исследовать себя, если сможешь отделить мысленным взором себя от того, что тебе принадлежит, то сможешь преодолеть и страх. Не бойся, ибо страх выгоден только тому, кто принес в мир разделение. Страх порождает уныние и депрессию, страх порождает агрессию. Страх возникает тогда, когда теряется единство души и ума, и тогда ум, потеряв измерение сердца, становится плоским рассудком. А рассудку уже присущ страх — это страх потерять контроль, страх потерять свое место, свое ID. Теряя поддержку горячего сердца, разум забывает о своей богосотворенности и утопает в страхе.

Слово пятое: «Не бойся! Соединяй и примирай!»

Ибо Христос победил мир, мир — как космос, но принес мир — мир-примирение (irini). Апостол Павел говорит: «*Ибо Он есть мир наш, соделавший из обеих одно, разрушивший стоявшую посреди преграду*» [Еф. 2: 14]. Преграду между язычниками, и между иудеями — богоизбранным народом, и преграду между умом и сердцем. Бойся разделения, бойся той стены, которая внутри тебя. Скажу кратко, но это тоже очень важно. Какие стены мы вырастили, поставили внутри себя — об этом тоже приходится упоминать на исповеди. Исповедь слишком часто воспринимается нами как некая такая задача вспомнить о чем-то, о чем надо сожалеть. То есть раскаяние — это сожаление, о том, что было в прошлом. В таких случаях я стараюсь напомнить, что да, это тоже должно иметь место, но не это на самом деле суть таинства покаяния. Таинство покаяния — это тот момент, когда человек видит, что между ним и миром есть стена, что ему не пробиться, что он в духоте, что он изолирован, прежде

всего, от Бога. Он не видит Бога и не только в силу нашей общей греховной природы, в силу грехопадения первого Адама, он не видит Бога и в силу своей закрытости от Него. Это вторая стена, хотя может быть, это все та же стена между человеком и Церковью — не как институтом, а Церковью — как Телом Христовым. Как мы закрыты от этого! Это стена между нами и другими людьми, и, в конечном счете, это стена между мной и мной самим. Как я не умею быть собой, как я имитирую себя, как я подражаю, как я играю роль! Как красиво я играю роль! Это — стена, и вот об этой стене необходимо говорить на исповеди, потому что в покаянии эту стену можно снять, разбить, проломать, с помощью Божией. А в психологических упражнениях эта стена становится еще крепче. Потеря внутреннего единства — это потеря ощущения себя как микрокосмоса. Опять слова Василия Великого: «... если *внемлешь себе* — ты не будешь иметь нужды искать следов Зиждителя в устройстве вселенной, но в себе самом, как бы в малом каком-то мире (Малый мир — это и есть микрокосмос. — о. С.) усмотришь великую премудрость своего Создателя» [Там же]. Это напоминание о том, что внутреннее единство человека восстанавливается, когда помещаешь себя в контексте вечного, а не проходящего. И об этом мы читаем тоже у владыки Антония: «Может быть, Вы помните слова святого Венсана де Поль, перед зеркалом, которые случайно услышал его отец, войдя в комнату: «Боже, я слишком безобразен для людей, но, быть может, Ты примешь меня таким?». Может быть, для людей я и слишком безобразен, но Богу я желанен, потому что иначе Он не вызвал бы меня к бытию, не совершил бы этого творческого, рискованного акта, вызывая к бытию именно меня, — причем, не на короткое время, а для вечности» [Антоний Сурожский, 2006, с. 109]. Вот что говорит, напоминает нам владыка Антоний. Мы не на короткое время вызваны Богом, а вызваны для вечности.

Слово последнее: «Не бойся! Узнавай вечность во времени!»

Быть собой означает уйти из-под власти страха, который сковывает и душу, и тело, означает обрести свободу. Не бойся расстаться с ярлыком или костюмом, который либо ты сам на себя надел, либо это сделали другие. Каждый день «отвязывай свою тыкву», ибо тыква-ярлык — есть бегство от свободы. Страх можно и нужно переплавить в страх Божий. Как сказано в одной светильничной молитве, которую священник читает при богослужении: «Господи, возвесели сердца наша, во еже бо-
тятся Имени Твоего Святаго»⁵. Это парадокс. Парадокс в том, что весе-

⁵ Последование вечерни. 1-я Светильничная молитва.

лие и радость порождают истинный страх Божий. Не придуманный, а истинный. Это правда. И ты есть в той степени, в которой пребываешь в радости Господней.

Итак, мы прошли следующие ступени: пробуждение, удивление, во-прошание, различение, соединение, или примирение и узнавание, узнавание — как слышание. Остается закончить теми словами, которыми и святитель Василий Великий заканчивает свое слово: «Итак, *внемли себе*, чтобы внимать Богу, Которому слава и держава во веки веков, аминь!»

ЛИТЕРАТУРА

Антоний Сурожский, митр. Человек перед Богом. М., 2006.

Антоний Сурожский, митр. Школа молитвы. «Христианская жизнь». Клин, 2004.

Василий Великий, свт. Беседа 3. На слова: «Внемли себе» (Втор.15, 9).

Сергий Овсянников, прот. Быть здесь и сейчас... // Духовное наследие митрополита Антония Сурожского. Материалы Первой международной конференции 28—30 сентября 2007г. Москва, 2008.

Metropoliet Anthony (Bloom) van Sourozh. De Weg naar Binnen (School van Gebed). Publisher 'Orthodox Logos'. Tilburg, 2010.

TO BE ONESELF

PRIEST SERGEY OVSYANNIKOV

«To be oneself» — is a story about fear and ways to overcome it. Path to yourself and the path to God is the way to freedom. This was stated by Metropolitan Anthony Sourozh, and the author develops this idea: how to avoid role-playing systems, how to find oneself and one's life mission, how to find the unity of soul and mind, heart and mind. The path of christian soul should lead to joy and not to fear — argues author.

Antonij Surozhskij, mitr. Chelovek pered Bogom. M., 2006.

Antonij Surozhskij, mitr. Shkola molitvy. «Hristianskaja zhizn'». Klin, 2004.

Vasilij Velikij, svt. Beseda 3. Na slova: «Vnemli sebe» (Vtor.15, 9).

Sergij Ovsjannikov, prot. Byt' zdes' i sejchas... // Duhovnoe nasledie mitropolita Antonija Surozhskogo. Materialy Pervoj mezhdunarodnoj konferencii 28—30 sentjabrja 2007g. Moskva, 2008.

Metropoliet Anthony (Bloom) van Sourozh. De Weg naar Binnen (School van Gebed). Publisher 'Orthodox Logos'. Tilburg, 2010.